

Институты и общности

Императорский двор России XVIII века: между европеизацией и традицией

Ольга Агеева

Самой яркой чертой преобразований русского Двора в XVIII в. стала его европеизация, т.е. введение всего западноевропейского, заменявшего отечественное, старомосковское, русское. Следуя за реформами государственного аппарата, армии, промышленности и созданием учреждений культуры, Государев двор московских царей XVI–XVII вв. в короткий период превратился в петербургский Двор новой императорской России. При этом он изменил, казалось бы, всё – от титула и коронационных регалий правителей до архитектуры их резиденций, повседневного времяпрепровождения и состава придворного общества.

Будучи особым институтом русского абсолютистского государства, Двор русских самодержцев выполнял разнообразные общественные функции¹. Помимо прочего в государственной жизни России он играл роль важнейшего коммуникативного центра: императорский дворец являлся местом общения монарха с элитой страны и представителями иностранных государств.

XVIII век стал временем, когда на Двор оказалась возложена особая политическая миссия. Он должен был обеспечить благоприятный фон для «вступления» страны в европейское сообщество в качестве равноправного партнера. «Встречают по одежке, провожают по уму», – гласит народная мудрость. В силу этого, усвоение необходимого для общения языка общеевропейской культуры стало одной из задач русского придворного общества. Демонстрируя активный интерес и принятие европейских образцов в культуре, что оказалось согласно с умонастроениями значительной части самой русской элиты, именно Двор успешно создал благоприятную среду, снявшую те серьёзные психологические барьеры в восприятии страны, которые порождало свойственное Западу видение России как «варварской» и «чужой» в цивилизованном мире. Новый Двор – лицо страны и визитная карточка монарха – во многом изменил негативную оценку и внёс существенный вклад в успех России, позиционировавшей себя в XVIII в. страной первого ранга – империей, успешно осваивавшей европейское Просвещение.

Однако, помимо отстаивания международных интересов государства, исключительно разнообразны были «обязанности» Двора перед самим русским обществом. Назову только две из них. Подобно Коллегии иностранных дел и новым учреждениям культуры (петровским учебным заведениям, Кунсткамере, Академии наук и др.) Двор был настоящим проводником всего европейского в русской жизни. Усваивая новое, он тут же транслировал его на дворянс-

© 2014 г. О.Г. Агеева

¹ Под Двором понимается социальный институт, соответствующий монархической форме правления и выполняющий ряд общественно значимых функций государственного и частного характера – политических, экономических, представительских, управленческих и иных, связанных с государственной деятельностью и жизнью монарха.

тво, столичную разночинную интеллигенцию и частично купечество. Участие в официальной жизни Двора века Просвещения погружало представителей русской элиты в мир новой культуры, требовало знания иностранных языков и правил вежливого обхождения, например, умения говорить «комплименты»-приветствия или вести этикетные «партикулярные разговоры», разбираться в новинках мира моды, танцев, художественной культуры и литературы, театра и научных знаний (ботаники, античной истории, геральдики и проч.), наглядно знакомило с предметно-бытовым и архитектурным миром дворца. При этом просветительская задача Двора в XVIII в. сложно сочеталась с его другой, более важной, политической обязанностью перед русским обществом. В эпоху абсолютистского правления страну персонифицировала фигура монарха. Он сам и его окружение в сознании большинства людей подменяли действия собственно государственного аппарата. Не случайно слово «Двор» в XVIII в. было синонимом слов «государство» и «монарх». В выражениях той эпохи Двор вёл политику, объявлял войну, ко Двору приезжали иностранные дипломаты и т.д. Однако, ассоциируясь в глазах собственного народа с центральной властью, Двор должен был демонстрировать приверженность национальным интересам и ценностям и показывать, что власть способна обеспечить благосостояние и обороноспособность страны.

Таким образом, двойственная природа Двора ставила перед его реформаторами XVIII в. подчас противоречившие друг другу задачи. Выполняя внешне-политическую функцию, русский Двор должен был стать «своим» для мира других европейских дворов, но в то же время сохранить доверие собственного народа. Осуществление этих задач осложнялось тем, что в XVI–XVII вв. русскому миру был свойственен этноцентризм сознания, и его доминирующими установками были следование своим традициям и отторжение чужого. Русские в глазах иностранцев считались «самыми тщеславными и прегордыми из людей»², ибо ориентировались на свои представления и с большой разборчивостью относились к перениманию чужих ценностей (хотя и прибегали к использованию западных технических и культурных достижений). Теперь же власти предстояло перейти к самому широкому использованию иностранного опыта, т.е. заниматься тем, что в предшествующий век получило меткое определение «чужебесия»³.

В XVIII в. европеизация проявлялась почти во всех областях жизни Двора. Однако это общее наблюдение ставит ряд вопросов. Кто и какими путями привносил новое европейское? На какое время пришлась европеизация? Какими были её результаты? Во всех ли областях придворной жизни процессы внедрения западных форм были схожими или имели отличия? Носила ли европеизация тотальный характер или была локализована в каких-либо особых сферах придворного быта? И если последнее верно, то как при Дворе усвоение нового европейского сочеталось с русским традиционным? Для рассмотрения этих вопросов обратимся к нескольким областям придворной жизни. Начнём с привнесения иностранной лексики в названия структур дворцового ведомства и наименования придворных чинов.

В ходе реформирования подразделений Двора, начавшегося уже в первые годы XVIII столетия, новые дворцовые ведомства, как и многие другие государственные учреждения, на иностранный манер получили наименования кан-

² Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом// Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1075.

³ Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 194.

целярий и контор. Так, в системе Двора были учреждены Дворцовая канцелярия (1705) и Главная дворцовая канцелярия (1724), Придворная контора (1730), Конюшенная канцелярия (1733) и Придворная конюшенная контора (1733), Обер-егермейстерская канцелярия (1744), Собственная вотчинная канцелярия (1723) и др. Иностранное название «гоф-коллегия» фигурировало в нереализованном проекте Х.-В. Миниха, мечтавшего объединить разрозненные придворные ведомства под началом одного лица (1748)⁴. Несколько дворцовых подразделений получили иностранные наименования по немецкоязычным чинам возглавлявших их лиц: от чина обер-егермейстера – указанная выше канцелярия императорской охоты, а Камер-цалмейстерские и Гоф-интендантские дела, соответственно, от чинов камер-цалмейстера и гоф-интенданта.

Интересно, что наряду с повсеместными иноязычными заимствованиями в XVIII в. спорадически появлялась идея возвращения дворцовым учреждениям старого русского наименования «приказ». Так, в 1728 г. самостоятельное конюшенное ведомство первоначально было воссоздано под именем Конюшенного приказа, а при продвижении проекта реформы двора 1768–1769 гг. (остался нереализованным) от Екатерины II в Сенат было отдано распоряжение вернуть старое название «приказ» Дворцовой канцелярии, которую следовало именовать «Главным дворцовым приказом»⁵.

Самое яркое воплощение введение иноязычной лексики получило в области наименований чинов и служителей двора. Началось всё на рубеже 1690–1700-х гг., но не с введения новшеств, а с изменения отношения к старой московской чиновной лестнице, в которой дворцовые чины были неразрывно связаны с государственными. Угасание их роли и отмена происходили мягким, бесконфликтным, но решительным образом. В 1690-е гг. пожалование в прежние чины практически прекратилось. В связи с этим в начале нового века постепенно исчезали и забывались такие московские дворцовые чины, как дворецкий с путём, стряпчий с ключом, кравчий, чашник, постельничий, сокольничий и др. Лица, которым они были пожалованы, постепенно уходили со службы или получали новые чины. В результате в 1710-е гг. сложилась необычная ситуация с верхним слоем служащих дворцового ведомства и «комнат»-дворов царского дома. В них, с одной стороны, почти исчезли старые чины, и служители стали обозначаться только личными именами (кроме низших, указанных по профессиям – повар, прачка и др.). С другой, стихийно были введены некоторые европейские наименования служащих лиц, не закреплённые на законодательном уровне. Ведомости «комнат» Романовых 1710-х гг. показывают, что иностранный чин камердинера (И. Афонасьев) появился при Дворе наследника престола царевича Алексея Петровича⁶; пажи и комедианты имелись при Дворе царевны Натальи Алексеевны; камер-паж и пажи, а по другим данным и камергер – у царицы Екатерины Алексеевны; музыкант, «французенка» и кухмистр – у царевича Петра Петровича, царевен Анны, Елизаветы и Натальи; «каммер-фраут» и «каммер-юнфре» – у царских внуков Петра Алексеевича и Натальи Алексеевны⁷. У самого Петра I главным поваром являлся обер-кух-

⁴ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 85, л. 12; Архив Санкт-Петербургского института истории (далее – АСПИИ РАН), ф. 36, оп. 1, д. 461, л. 72.

⁵ РГИА, ф. 469, оп. 14, д. 10, л. 81.

⁶ РГАДА, ф. 198, оп. 1, д. 83, л. 1–5 об.

⁷ Там же, ф. 156, оп. 1, д. 39, л. 32 об.; РГИА, ф. 468, оп. 45, д. 565, л. 1 об., 2 об., 3 об., 7, 7 об.; оп. 43, д. 13, л. 1 об., 2 об., 4, 7; РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 176, л. 1.

мейстер или просто кухмейстер датчанин И. Фельтинг, врачами были лейб-медики Р. Арескин, а затем Л.Л. Блуменрост, ранее служивший лейб-медиком царевны Натальи Алексеевны. Имена служителей Двора показывают, что появление западных наименований чинов в то время в основном было обусловлено приглашением на службу иностранцев. Среди них только чины царских лейб- и гоф-медиков были закреплены законодательно штатом Надворной медицинской канцелярии 1715 г.⁸

Другим естественным путём появления иностранных названий придворных чинов было возобновление в начале XVIII в. практики междинастических браков Романовых. Благодаря ей в начале 1710-х гг. при Дворе царевны и герцогини Курляндской Анны Иоанновны гофмейстером становится П.М. Бестужев-Рюмин, камер-юнкерами, а затем в 1724 г. камергерами – его сыновья Михаил и Андрей⁹. В Петербурге же появляется немецкий Двор супруги царевича Алексея Петровича принцессы Шарлотты-Христины-Софии Вольфенбюттельской. Перевод ведомости её Двора, при котором числилось 133 человека, показывает, что в ходу были немецкое обозначение чинов (обер-гофмейстер, пажи, «ваган-мейстер», «обер-гофмистирина» и др.), чисто русские названия (комнатные дворяне, хранитель платья и др.) и смешанные немецко-русские (комнатной цалмейстер, обер-конюшей и др.)¹⁰.

Исчезновение производства в старомосковские чины и отсутствие новых чинов привело к тому, что когда в конце 1710-х гг. понадобилось создать Табель о рангах, т.е. унифицировать по рангам военные, статские и придворные чины, выяснилось, что новые европеизированные воинские были уже полностью введены и закреплены Воинским и Морским уставами (1716 и 1720), а статские на 90% учреждены и закреплены при создании коллегий¹¹. Что же касается придворных чинов, то московские дворцовые уже были «древними» и забытыми, а европейских новых ещё не существовало. В связи с этим чтобы определиться с рангами придворных лиц, сначала требовалось вообще впервые законодательно ввести всю лестницу новых придворных чинов, которые при этом и получили свои европейские наименования.

Занялся этим по поручению царя А.И. Остерман. Составленный им в 1719–1721 гг. черновой проект «Объявление о рангах» содержал наряду со статскими чинами 43 придворных чина с европейскими наименованиями, распределённых с 1 по 13 степень. Возглавлял лестницу чинов обер-маршал (вероятно, предполагаемый глава двора или центрального учреждения), за ним шли обер-камергер (глава высших представительских чинов и распорядитель комнат царя), обер-шталмейстер (глава дворцовой конюшни) и прочие чины до гоф-кондитера, гоф-музыкантов и др. Этот проект Пётр I, отводивший Двору второстепенное место, основательно переработал. Во-первых, он убрал придворные чины с первого места (которое отводилось им в Европе) на последнее третье, поставив их после военных и статских. Во-вторых, царь понизил ранги высших персон Двора, вычеркнув их из первой графы, а некоторые более низкие чины вообще вывел за рамки Табели.

⁸ ПСЗ-I. Т. 5. № 2881.

⁹ Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 150, 152, 159, 160.

¹⁰ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 13, л. 15–15 об.

¹¹ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 67.

В результате в Табели о рангах, подтвержденной 22 января 1722 г. и имевшей 14 классов-рангов, в третьей придворной графе было перечислено 42 придворных чина, что составляло только 16% от всех чинов Табели. По языковой форме придворные чины имели немецкие наименования с редким добавлением русских определений «надворный» (надворный интендант и др.), «тайный» (тайный кабинет-секретарь), «первый» (первый лейб-медик), «действительный» (действительный камергер) и словосочетания «её величества» для Двора царицы. Русскими по наименованию были чины надворный лекар и надворный уставщик. Основную же массу составляли немецкие чины: обер-шталмейстер, обер-гофмейстер и обер-гофмейстер её величества, обер-камергер, обер-гоф-шталмейстер, обер-шенк, обер-кухенмейстер, камер-юнкера и гоф-юнкера, гофмейстер пажей, гоф-секретарь, надворный камерир, шлос фохт, келлермейстер и др.¹²

При создании третьей графы Табели о рангах хорошо проявились взгляды царя на Двор. Во-первых, он отказался ввести в Табель старые московские чины, на чём настаивали сенаторы, и тем самым окончательно убрал их из лестницы чинов новой России. Во-вторых, Пётр стремился соотнести жизнь русской элиты с европейскими нормами, с жизнью европейских дворов. При разработке Табели о рангах был применён метод, который в дальнейшем не раз использовали русские власти при европеизации Двора. Для создания документа получали из-за границы и анализировали образцы табелей и росписей чинов сразу нескольких европейских дворов и выбирали из них то, что подходило для России, не взирая на статус того или иного государства Европы. Так, были использованы полученные ещё в начале века описания венского Двора (1701 г. П.Б. Возницына), французского (1706 и 1709 гг. А.А. Матвеева), английского (1707 г. А.А. Матвеева) и др. В 1710-х гг. специально заказывались регламенты о рангах дворов Пруссии, Франции, Польши, Испании, Англии, Венецианской республики, Швеции, Дании, Священной Римской империи¹³. При сравнительном анализе этих документов были выбраны и сведены в единую таблицу сведения о четырёх дворах Европы – Дании, Великобритании, Швеции и Пруссии. Из них Пётр выделил три с наиболее разработанной сеткой чинов, исключив Великобританию, и остановился на принципах чинопроизводства Дании и Швеции¹⁴. Однако очевидно, что автоматического перенесения в Россию данных европейских документов не было. В Табель о рангах из них оказалось скопировано по наименованиям только 18 чинов в рангах, причём с большей ориентацией на прусский Двор¹⁵. 24 петровских чина по наименованиям аналогов при этих дворах не имели.

Были ли понятны новые иностранные обозначения придворных чинов в России? Русские переводчики-толмачи при переводе иностранных штатов могли легко подобрать европейским наименованиям чинов русские аналоги. Другое дело – представители русской правительственной элиты. Им иностранные обозначения чинов были не известны и не понятны. Поэтому при подготовке Табели о рангах для русских сенаторов готовилась специальная справка «Проект не в указ о учреждении рангов в надворном и гражданском state», где в

¹² ПСЗ-I. Т. 6. № 3890.

¹³ РГАДА, ф. 370, оп. 1, д. 58; д. 3, л. 1–9 об.; д. 13, л. 5–7; д. 55, л. 2–2 об.; д. 1; д. 4, л. 39–41; д. 15, л. 14–17; д. 19, 56, 58.

¹⁴ См.: *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 59, 65.

¹⁵ АСПБ ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 733, л. 134–137 об.

придворной части подробно разъяснялся смысл, т.е. круг обязанностей, 46 придворных чинов с европейскими наименованиями¹⁶. Таким образом, в 1722 г., как, впрочем, и позже (в 1728 г. вновь объясняли смысл чинов при создании Двора царицы Евдокии Фёдоровны¹⁷), незнакомые иноземные чины были мало понятны русским высокопоставленным лицам, не говоря уже о низших.

Показателем неясности законодательного новшества стало и то, что введение новых придворных чинов на практике затянулось на несколько лет. Сначала следовали разовые пожалования в чины первых лиц Двора по их персональным прошениям (М.Д. и В.Д. Олсуфьевых, С.И. Алабердеева, графа А.М. Апраксина и др.). Затем процесс подстегнули коронация Екатерины I в 1724 г., погребение Петра I в 1725 г. и попытки составления общих придворных штатов при Екатерине I и Петре II, которыми занимались князь А.Д. Меншиков и А.И. Остерман. Успехом эти усилия увенчались только при Анне Иоанновне в 1731 г., когда были составлены штаты новосозданных в 1730 г. Главной дворцовой канцелярии (глава – С.А. Салтыков) и Придворной конторы (глава – Р.-Г. Левенвольде).

Любопытным эпизодом европеизации при попытках написания штата двора в 1725–1727 гг. была постановка задачи создать его наподобие Двора Священной Римской империи. Произошло это вскоре после объявления Петра I императором (1721 г.) и присылки из Вены русским посланником поляком Л. Ланчинским описаний «цесарского» Двора (1724 и 1725 гг.)¹⁸. Однако венская система в России сразу была отклонена. Составитель штата А.И. Остерман обнаружил, что при римском цесарском Дворе не было деления придворных по рангам и единой чиновной лестницы, каждое из первых лиц, возглавлявшее какую-либо группу придворнослужителей, было первым на церемониях при отправлении своей должности, а в общих церемониях ранги определялись по старшинству пожалования чина тайного советника или ордена Золотого Руна. А.И. Остерман справедливо указал, что система службы венского Двора не соответствует принципам введённой в России Табели о рангах, и отказался соотносить с ней общую организацию российского Двора¹⁹.

Однако, что же получилось с введением петровских чинов при формировании штатов Двора? На практике состав пожалованных конкретным лицам новых чинов оказался далёк от перечисленных в Табели о рангах. Только часть их соответствовала Табели, другая же была совершенно новой. При этом в придворных штатах оказалось закреплено большое число новых иностранных названий за служителями среднего звена и ливреей, которые по своему положению находились вне рангов, а значит, вне Табели 1722 г. (могли называться «чинами вне рангов»).

Штаты аннинского времени 1731 г. стали основой для сетки чинов петербургского Двора XVIII в., не раз менявшейся и разраставшейся по численности при последующих правлениях. В соответствии с ними Придворную контору возглавлял обер-гофмаршал (чин, введённый в 1730 г. и отсутствовавший в Табели 1722 г.), хозяйственными службами и дворцовыми имениями руководил обер-гофмейстер, бывший первым лицом новой Главной дворцовой канцелярии, императорское конюшенное ведомство возглавлял обер-шталмейстер, а

¹⁶ РГАДА, ф. 370, оп. 1, д. 16, л. 11 об – 25 об.

¹⁷ Там же, ф. 156, оп. 1, д. 201, л. 1–1 об.

¹⁸ Там же, д. 189, 193.

¹⁹ АСПБ ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 733, л. 134.

охоту – обер-егермейстер. Обер-камергер ведал службой камергеров и камер-юнкеров, а обер-шенк отвечал за церемониальную подачу вин (при Павле I он принял управление погребами).

В командах первых лиц и их товарищей (гофмаршала, гофмейстера и др.) находились камер- и гоф-фурьеры, гофмейстер пажей, камердинеры, гоф-штаб-квартирмейстер, мундшенки, кофешенки, тафельдекеры, зилбердинеры, концертмейстеры, фельдшеры, метрдотели и кондитеры, келлермейстеры и др., а также низшие служители: камер-пажи и пажи, лакеи, скороходы, гайдуки, арапы, бакмейстеры, лейб-шнейдеры и т.д.

В течение века число чинов в рангах росло, и в 1784 г. в объединённой Придворной конторе и Главной дворцовой канцелярии (включая команду медиков) составило более 50. Ещё около 30 имелось в других подразделениях Двора (конюшенном, охоте и др.)²⁰. По наименованиям состав чинов в течение века постоянно обновлялся. При этом в 1784 г. из 42 петровских чинов, сменив ранг, сохранили названия только 14. Рядом с ними появились новые европейские чины и крайне редко – русские (казначей денежной казны – в 7 ранге, купчина – в 9-м, ключник – в 13 ранге).

Характерной чертой европеизации лестницы чинов русского Двора (в конце века в Придворной конторе насчитывалось почти 3 тыс. человек²¹) было то, что иностранные наименования затронули верхнюю часть служебной лестницы, тогда как в нижней были сохранены старые московские. Для примера обратимся к императорской кухне. В середине века в команду метрдотеля первой кухни (чин главы кухни, заменивший в 1731 г. чин петровского обер-кухмейстера) входили: мундкохи, кохи, повара и поваренные ученики; братмейстер и братмейстерские ученики; готовившие хлебные изделия бакмейстеры, подбакмейстеры и бакмейстерские ученики, хлебники и хлебенные ученики; а также служили: шлахтер (мясник, всегда из немцев) и его ученики, подпарщик, скатертники и скатертные ученики; на самых нижних ступенях находились поваренные работники, девки и бабы для мытья столов и чистки посуды²².

Перечисленные лингвистические особенности были свойственны и дамскому штату Двора. Его верхнюю часть составляли дамы в чинах с иностранными названиями – обер-гофмейстерина, гофмейстерина, фрейлины (статс-дамы службу при Дворе не несли, представлятельствуя только на церемониях), далее шли служительницы – камер-юнгферы, камер-метхины, кастелянши и др. Низшие служительницы сохранили русские названия – золотошвейки, белошвейки, прачки разных разрядов и др.

Таким образом, можно констатировать, что по времени европеизация наименований чинов Императорского двора пришлась на первые три десятилетия века и в целом была завершена с созданием штатов в 1730–1731 гг. Основными лицами, её проводившими, были Пётр I и его преемники на троне до Анны Иоанновны включительно, а также составители проектов штатов А.Д. Меншиков, А.И. Остерман, Р.-Г. Левенвольде и С.А. Салтыков. Соотношение при дворе наименований европейских и русских чинов показывает, что полной европеизации служительского состава Двора проведено не было. Она распространялась прежде всего на его верхушку – управленцев, элитные представительские чины, специалистов-иностранцев и ливрейных служителей, составлявших

²⁰ РГИА, ф. 468, оп. 43, д. 273, л. 69–107.

²¹ Там же, л. 69–115.

²² Там же, ф. 469, оп. 1, д. 5, л. 232 об.–284.

«лицо» Двора на публичных церемониях. Все эти категории придворных принадлежали к разным конфессиям и были по составу многонациональны – русские, немцы, «цесарцы», поляки, французы, шведы, греки, «арапы» (из стран Средиземноморья, Африки и Америки), китаец, калмыки, венгерцы и др. Рядовые низшие служители вне рангов продолжали носить русские старомосковские наименования и в основном были русскими.

Во второй половине века привнесение европейского в придворную среду потеряло былую актуальность. Ярким показателем этого стала частично проведённая обратная русификация чинов среднего звена. Она проявилась при дворе Екатерины II в 1780-х – начале 1790-х гг. при попытках создания нового штата Двора, которым занимался глава внешнеполитического ведомства и по совместительству гофмейстер А.А. Безбородко. В это время в документах Двора, часто в черновых, появляется замена некоторых европейских наименований на русские: место комиссаров, зилбервартера, гардемебелей заняли приставы этих должностей, келлермейстеры начали именоваться погребными приставами, вагенмейстер получил второе название обозного, братмейстеры стали жарильщиками, бакмейстеры – пекарями, мундкохи – поварами и т.д. В наиболее полном объёме прорусские лексические новации содержатся в документе «О должностях» Придворной канцелярии, составленном А.В. Храповицким в 1788 г.²³ Любопытно, что, затронув придворные чины среднего звена, русификация не была распространена на европеизированные высшие чины, представлявшие Двор в публичных собраниях.

Разительные изменения в сторону европеизации претерпели при петербургском Дворе и публичные собрания. Время активного привнесения европейских норм в официальную протокольную жизнь, как и в случае с чинами, пришлось на первые десятилетия XVIII в. Именно тогда был сформирован новый круг придворных мероприятий, созданы многочисленные церемониалы и правила придворного этикета.

Менять церемониальную жизнь Двора на европейский лад Пётр I стал сразу после возвращения из Великого посольства и начал с дипломатического церемониала приёма европейских посланников. Уже в 1698 г. он стал давать партикулярные аудиенции вне Кремля, на которых был без царского венца и московской церемониальной одежды и перед европейскими дипломатами не сидел по-восточному на троне, как это было раньше, а стоял, подобно другим европейским монархам²⁴. Однако основные проевропейские церемониалы и новый строй жизни Высочайшей фамилии были созданы в последние 10 лет его правления, т.е. с середины 1710-х гг. по 1725 г. При этом в полной мере новая официальная придворная жизнь сложилась только при Анне Иоанновне и в начале правления Елизаветы Петровны. С середины столетия уже имеющиеся церемониалы использовались по традиции, а в конце века в духе времени, отвергавшем барочную пышность и вычурность, начали упрощаться.

В начале столетия ключевыми придворными действиями были государственно-семейные празднества Романовых. В 1724 г. при коронации Екатерины I был разработан новый имперский церемониал этого важнейшего акта. Его сценарий включал смешанный набор европейских и старых традиционных государственных символов, в том числе регалий и церемониальных действий.

²³ Там же, ф. 468, оп. 43, д. 272, л. 64–147.

²⁴ Корб И.Г. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997. С. 88–89.

Последними были новые формы коронационного пира в Грановитой палате и угощения народа, раздача коронационных жетонов, бал в Кремлёвском дворце, фейерверк и др. В дальнейшем коронации русских императоров пополнились отдельными церемониями и деталями (был введён коронационный въезд в Москву, в круг регалий вошли государственные мечи, знамя и проч., была уточнена форма миропомазания, установлен церемониал поздравительных аудиенций, увеличено число делегаций, придворных увеселений и др.). Тем не менее сценарий коронации, созданный в 1724 г., служил добротной основой для всех последующих русских коронаций.

Свадебный церемониал Романовых, вернувшихся к междинастическим союзам, стал формироваться при заключении первых русско-немецких браков 1710, 1711 и 1716 гг.²⁵ Он решительно разрывал с традициями допетровских свадеб, отвергая многочисленные символические восходящие к язычеству обрядовые действия и намечая компромиссные проевропейские формы, которые могли быть приемлемы для обеих сторон, представлявших разные культуры и конфессии. Окончательно пышный барочный европейский церемониал свадеб Романовых был разработан в 1739 г., когда наследница престола принцесса Анна Леопольдовна венчалась с герцогом Брауншвейгским. В 1744–1745 гг. при оформлении брака Петра Фёдоровича с принцессой Ангальт-Цербстской сценарий этого торжества был дополнен обрядом присоединения немецкой принцессы к православию и многочисленными увеселениями.

В петровское же время с 1716 г. по 1725 г. сложился и новый европейский, в основном схожий с протестантским, вариант погребений Романовых. Различаясь по пышности для правящей особы и других членов Высочайшей фамилии, он включал устройство траурного зала для прощания – «каструм долорис», многочисленную погребальную процессию с демонстрацией регалий, государственной и родовой символики, особое оформление храма-усыпальницы. Шедшее вразрез с традициями московского Двора, оформление погребений предполагало использование богатого декоративно-художественного оформления, особых деталей и предметов в траурной одежде, раздачу памятных медалей, публикацию описаний погребений и др. В дальнейшем петровский печальный церемониал оказался устойчивым и перешёл во все последующие правления Романовых.

Что касается радостных событий – рождения в Высочайшей фамилии детей, то их церемониальное оформление, меняясь с 1710-х гг., окончательно обрело европейские черты при появлении на свет великого князя Павла Петровича. В церемониалах, связанных с рождением детей, были убраны восходящие к язычеству устаревшие обряды и отработаны новые виды поздравлений, застолий, введены церемониальная пушечная пальба при рождении и крещении ребёнка, приглашение иностранных государей в восприемники, собрание Двора и торжественное шествие в церковь для крещения, возложение на новорожденного орденовских знаков и др. Помимо этого, в середине века был разработан европейский церемониал поздравления матери в парадной спальне дворца на 40-й день после рождения ребёнка.

Таким образом, модернизация романовских семейно-государственных торжеств, проведённая в 1710–1740-х гг., имела три основные тенденции. Во-пер-

²⁵ В брак вступали царевна Анна Иоанновна с герцогом Курляндским, царевич Алексей Петрович с принцессой Вольфенбютельской, царевна Екатерина Иоанновна с герцогом Мекленбург-Шверинским.

вых, прошла отмена традиционных инсигний и незаметно были упразднены десятки старых московских обрядовых черт, имевших языческие корни. Так, из церемониалов свадеб были убраны ставшие «суеверными» традиционные обряды разрезания сыра и перепечи, обряд покровения головы – надевания кики с повойником и фаты, возжигание богоявленских свечей, осыпание хмелем и зерном, украшение чертожного места соболями, традиционные караван, подарки и проч. Всё это разрушило традиционный свадебный комплекс и было аналогично метаморфозам освобождения от устаревших обрядов царских погребений (отменён ритуальный плач и проч.) и родинно-крестильного цикла (упразднены родинный стол, раздача милостыни и кормление нищих, ритуальные дары из 40 соболей, поднесение даров царю от чинов и слоёв общества, окропление пути крестильного поезда и др.). Второй чертой изменений было введение понятных европейцам символов власти, церемониальных действий и европейских форм распространения информации о событии (церемониальная пушечная пальба, чтение и распространение манифестов, публикация печатных описаний торжественных актов в виде брошюр, приглашение для наблюдения за церемониями дипломатов), включение в программы торжеств европейских балов, фейерверков, маскарадов, театральных представлений, что резко усилило светскую часть торжеств. Наконец, третьей, исключительно важной чертой обновлённых церемониалов было строгое сохранение в них православной обрядности: встречи у храмов с крестом, чтения Символа веры, неизменными оставались чинопоследования венчания, крещения, миропомазания, панихид и др. Именно эта часть новых царских торжеств делала их в сознании русских подданных легитимными и укрепляющими права династии на власть.

Важным подспорьем при разработке новых церемониалов, как и в случае с введением чинов, были описания церемоний европейских дворов, полученные из-за границы от русских дипломатов. При этом использовались как единичные подготовленные дипломатами документы, так и целые серии описаний, присылаемые по специальным циркулярным запросам Иностранной коллегии. Получив в Петербурге данные о всех бытовавших в Европе нормах, создатели церемониалов сравнивали их между собой и выбирали то, что считали приемлемым для России. В итоге Петербург не копировал обычаи какого-либо одного двора, например, французского, датского или римско-имперского, а на основе европейского церемониального языка создавал свои особые формы придворных мероприятий.

Метод заказа во всех ведущих столицах Европы описаний норм придворной жизни, их сравнение и выбор приемлемого для Петербурга был использован, например, в 1723 г., когда по указу царя от 4 апреля в Европе заказывали правила ношения траура, и получили ответы из Берлина, Парижа, Стокгольма и Вены²⁶. В 1724 г. при подготовке имперской коронации Екатерины I комиссия П.А. Толстого также использовала описания коронаций французского короля и римской императрицы, а при последующих коронациях учитывались и русские чины венчания на царство, и иностранные церемониалы, например, коронации цесаревы римской в Праге, римского императора и шведской королевы²⁷. К этому же методу обратились весной 1744 г., когда на основе документов об обычаях Священной Римской империи, Франции, Пруссии, Великобритании, Швеции и других стран был составлен первый русский единый

²⁶ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 122 а.

²⁷ Там же, ф. 1239, оп. 3, д. 43739, л. 149; д. 34744, л. 8–14.

церемониал приема европейских послов, действовавший вплоть до первых лет правления Александра I²⁸.

Кто создавал церемониалы в XVIII в.? Можно назвать около двух десятков лиц, определивших облик официальной жизни Двора. Отдавали указания о создании церемониалов сами императоры и императрицы, которые затем собственноручно правили проекты и Высочайше их одобряли, ставя подпись «Быть по сему». Руководили созданием документов и участвовали в их разработке первые лица Коллегии иностранных дел и Двора, персоны, возглавлявшие Коронационные и Печальные комиссии. Это были русские и иностранцы – Г.И. Головкин, П.А. Толстой, Я.В. Брюс, А.И. Остерман, А.П. Бестужев-Рюмин, Н.Ю. Трубецкой и др. Составителями же проектов являлись члены Иностранной коллегии и русские обер-церемониймейстеры и церемониймейстеры. До появления этих чинов в начале века эффективным средством получения новых церемониалов было привлечение знавших этикетные тонкости иностранцев, служивших в России. Так, подготовкой погребения царевны Натальи Алексеевны в 1717 г. ведал архитектор Г. Маттарнови, погребение царицы Прасковьи Федоровны, а затем коронацию Екатерины I готовили граф Ф. Санти, ставший в 1725 г. первым русским обер-церемониймейстером, и скульптор Н. Пино. В 1727–1730 гг. в составлении церемониалов участвовал новый обер-церемониймейстер Г. Габихсталь и т.д. Упрощением церемониалов в конце века занимался обер-церемониймейстер екатерининского правления М.Ф. Кашталинский.

Помимо приведённых выше разовых романовских торжеств, европеизированную регулярную протокольную жизнь императорского двора в XVIII в. составили, во-первых, ежегодный цикл государственных светских праздников, которых насчитывалось в разные правления от 9–13 до 28 (с учётом совмещения торжеств в один и тот же день). Это были календарный Новый год (1 января), царские праздники, в которые входили тезоименитства и дни рождения Романовых, характерные для Европы дни восшествия на престол (1723 г.) и коронации (с 1729 г.), а также «торжество выздоровления её величества» Екатерины II «от оспы» (1768 г.). Группу ежегодных военных праздников составили церковные табельные дни воспоминания славных викторий и заключения мира, которые появились в первой четверти XVIII в. в честь событий Северной войны и были дополнены воспоминанием побед при Грос-Егерсдорфе, Чесме, присоединения Крыма и Кучук-Кайнарджийского мира. Придворный характер носили кавалерские праздники русских орденов и в значительной степени дни четырёх гвардейских полков.

Все светские ежегодные праздники в XVIII в. имели две части. Утром проходили обязательные церковные службы с молебнами и поздравления, а вечером – светские балы и маскарады с застольями, играми (в основном в карты), спектаклями, фейерверками. Иногда сценарий дополняли церемониальные обеды, например, орденские.

Другую группу регулярных придворных собраний составили учреждённые в 1720–1730-х гг. вслед за петровскими ассамблеями еженедельные куртаги, балы, маскарады, спектакли придворного театра, за каждым из которых были закреплены один или два дня недели. Кроме того, несколько раз в году Двор участвовал в корпоративных публичных маскарадах для всего дворянс-

²⁸ РГИА, ф. 473, оп. 1, д. 252, 253, 255; РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 210, 211, 212, 213, 228 и др.; ПСЗ-I. Т. 12. № 8908.

тва и купечества и присутствовал при проведении дипломатических аудиенций. Протокольные празднества и увеселения Двора собирали по повесткам находившихся в столице представителей 1–4 или 1–5 классов, а иногда 1–6 или 1–8 классов, и только публичные маскарады – всех дворян, купечество и разного рода служащих (до 8 тыс. человек и более). Развлекались собравшиеся бальными танцами, музыкой, игрой в карты, бильярд и шахматы, застольями и зрелищем «огненных потех».

Вся эта система регулярных придворных собраний сложилась под влиянием обычаев европейских дворов, но стихийно. Только в 1748 г. в Петербурге было проведено сравнение протокольной жизни европейских дворов благодаря запросам Иностранной коллегии о форме присутствия при них дипломатов. Сравнение присланных описаний показало, что петербургский Двор создал точно такую же систему празднеств и увеселений, какая существовала на Западе, только ориентировался на более открытые контакты правящей фамилии с чужестранными министрами. В Петербурге дипломаты могли танцевать с правящей особой, играть в карты с членами правящего дома, приглашаться к их столам, тогда как при многих европейских дворах это не допускалось²⁹.

Придворные собрания также предполагали специальное декоративно-художественное оформление церемониальных представлений и помещений дворца, предписанную указами одежду участников и особые предметы. Новый мир вещей русского Двора имел особое символическое значение.

Утверждение России страной в ранге империи неизбежно ставило вопрос о пересмотре и создании нового круга её государственных символов. Теперь они должны были обрести европейскую форму с понятным в Европе имперским компонентом. Демонстрировались новые государственные инсигнии и иные атрибуты власти русскому обществу и иностранным дипломатам прежде всего во время приёмов во дворце и при проведении значительных придворно-государственных церемоний.

Вводились новшества постепенно. Уже на рубеже XVII–XVIII вв. Пётр I перестал принимать дипломатов и подданных в старомосковской церемониальной одежде с царскими инсигниями, используя европейский костюм без головного убора. Таким образом де факто он упразднил прежние атрибуты власти. Только в начале 1720-х гг. был подготовлен новый круг императорской атрибутики, что, безусловно, было предопределено объявлением Петра I императором в 1721 г. и борьбой русской дипломатии за признание России государством высшей политической номинации – империей.

В это время для оформления парадного тронного зала Петербурга в Здании мазанковых коллегий было использовано изображение имперских корон. Имперская корона появилась и на Большой государственной печати России. Особые типы корон, погребальные, были введены при похоронах цариц и царевны в 1716, 1717 и 1723 гг. А в 1724 г. коронация Екатерины I дала повод для общего пересмотра состава и вида русских регалий.

Тогда Коронационной комиссией во главе с П.А. Толстым были подготовлены новая императорская корона и новая «короновательная» мантия с аграфом-застёжкой (на мантии, подбитой горностаем, были изображены орлы). Из традиционных инсигний, ранее использовавшихся при венчании на царство, были употреблены «державный глобус», переданный Екатерине Алексеевне,

²⁹ РГИА, ф. 473, оп. 3, д. 20.

и императорский жезл (символ власти), который Пётр I не выпускал из своих рук. В описании коронации указывалось, что держава была «такого фасона, как Глабер в своих историях о древних императорских глобусах упоминает. Дело же глобуса есть древнее римское», а имперский скипетр с двуглавым орлом был «издревле употреблён при короновании и помазании императоров Всероссийских»³⁰. Все императорские регалии представлялись современникам исключительно важными, поэтому печатную реляцию о короновании завершало их специальное описание.

Для коронации были устроены символизировавшие власть тронные места (помост со ступенями и креслами) в Успенском соборе и Грановитой палате, над которыми по-европейски были выполнены балдахины с изображениями государственного герба, ещё один переносной балдахин был выполнен для шествия с Красного крыльца по соборной площади.

В реляции-описании коронации Екатерины I подданным русского монарха не сообщалось об упразднении не имевших западного аналога инсигний московских царей: св. креста, венца – шапки Мономаха и барм (диадемы), представлявших собой оплечье с образами. В конце XV – XVII в. эти регалии были исключительно важны для русского самосознания, так как подчёркивали византийскую преемственность («передачу царства»). Однако новый европейский взгляд на них, менявший само представление о русском государстве и обесценивавший идею византийского наследия, потребовал отказаться от старых неевропейских символов. Древние корни российской монархии, которые являлись обязательной составляющей представлений об имперском достоинстве, подтверждали теперь только «древние» жезл и держава. При последующих коронациях круг инсигний дополнили цепь ордена Андрея Первозванного (коронации 1730 г.), государственные знамя (панир), меч и печать (1742 г.). Герб с имперскими коронами украшал балдахины, знамя и печать. Кроме того, появились разные типы мантии.

Одежда коронуемых особ с 1724 г. была современной, парадной, европейской. В 1724 г. Екатерина I принимала корону в платье-robe. В 1762 г. на коронации Екатерины II на платье впервые были вышиты двуглавые орлы с герба России.

При проведении государственных церемоний при Дворе помимо тех символов власти, которые использовались на коронациях, в ходу были также другие инсигнии, предметы и приёмы оформления с государственной и романовской символикой. Так, в церемониях погребений правящих особ выставлялись в «каструм долорис», а затем неслись в процессиях древние короны царств Казанского, Астраханского и Сибирского, все ордена усопшей персоны, в том числе иностранные, также готовились балдахины над катафалками, а в траурных процессиях на европейский манер неслись многочисленные знамёна – личный штандарт, десятки знамён всех губерний и провинций Российской империи, печальное чёрное знамя и др.³¹

Определённой модернизации на европейский манер подверглись и тронные места русских монархов, устраиваемые во дворцах. Их оформление различа-

³⁰ Описание коронации Её величества императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. СПб., 1724. С. 25. Глабер Рауль – французский хроникёр XI в.

³¹ См.: Церемониал печального кортежа. Ритуал похорон российских императоров. СПб., 1998.

лось и указывало на характер приёмов. Для торжественных публичных аудиенций европейских и восточных дипломатов с присутствием Двора в огромном парадном зале для монарха устанавливали «высокий» трон в 7 ступеней, для приёмов более низкого ранга устраивался трон в малой (внутренней) тронной комнате (аудиенц-камере) с 1–2 ступенями, как и в Европе. Кресла при обычных церемониях были выполнены на новый европейский манер, и только изредка, в основном на коронациях, использовались древние троны, например, в 1730 г. были выбраны кресла «древние персидской работы», подаренные царю Борису Годунову.³²

В оформлении праздничных и траурных залов членов монаршего дома широко использовались приёмы, свойственные искусству Европы Нового времени. В XVIII в. получили распространение вензеля Высочайших персон, девизы и тексты в барочных рамках и на щитах с характеристиками их свойств, аллегорические живописные панно на мифологические сюжеты и скульптурные изображения в виде античных богов и богинь, прославлявшие заслуги особ правящего дома.

Предметная среда дворца и сама архитектура резиденций также обладали особыми символическими смыслами, всегда указывавшими на иерархию и статус участников придворной жизни, и демонстрировали особые формы оказываемой им чести. Так, парадными воротами императорских дворцов, ведущей к ним главной аллеей и парадным крыльцом внутри «двора чести» имели право пользоваться только императоры, правящие императрицы и послы первого ранга, представлявшие при русском Дворе персоны своих монархов. Другие подъезды дворца соответствовали статусу членов монаршего дома и лиц, «имеющих проезд ко двору». Строго по рангам были распределены места в придворном театре. Рангам чинов соответствовали парадные комнаты дворца, в которых они собирались перед мероприятиями. Для лиц первых двух классов и послов это могла быть кавалергардская или малая тронная, для остальных чинов и дипломатов второго ранга один из аванзалов. Многие из этих правил при русском дворе были выяснены на рубеже 1720–1730-х гг. и изложены в особой записке о требуемых парадных помещениях дворца³³. В это же время в императорских резиденциях, возводимых отцом и сыном Растрелли, появился и полный набор парадных помещений.

В первой половине века русский Двор освоил новый застольный этикет и ввёл несколько видов праздничных угощений, в том числе «кушанья на троне» под балдахином, столы «по билетам», которые разбирали с подносов дамы и кавалеры, и др. Двор, приглашая в метрдотели в основном цесарцев и французов, постепенно перешёл к европейско-русской кухне, до конца века поддерживая традиционную культуру приготовления многочисленных рыбных и грибных блюд, выпечку хлебных изделий, в том числе ржаного хлеба для Высочайшего стола, изготовление русских мёдов, морсов, кислых «штей» и проч.

Во дворцах тщательно следили за соблюдением мебельного этикета, усаживая высоких чинов и дипломатов по рангам на канапе, кресла, стулья и табуреты, обращая внимание на различия в цвете и ткани их обивки, количестве нашитых галунов и пр.

³² Описание коронации Ее величества императрицы и самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны... 28 апреля 1730 г. (Камер-фурьерские журналы). СПб., б.г. С. 7.

³³ РГАДА, ф. 370, оп. 1, д. 16, л. 47 об.– 49.

Однако наиболее последовательно европеизация была проведена в области одежды. Введение европейской одежды для дворянства было одной из первых реформ Петра I после возвращения из поездки по Европе 1697–1698 гг. Так, в 1698 г. вышел знаменитый указ, запрещающий ношение бороды, а с 1700 г. серией указов для высших слоёв общества было введено иноземное платье на венгерский, немецкий и французский манер³⁴. С этого времени кавалеры по торжественным случаям носили при Дворе богато украшенные европейские кафтаны, камзолы и штаны-кюлоты, дамы – платья с корсажами, глубокими декольте и широкими юбками, которые в торжественном варианте имели шлейфы. В результате в начале 1720-х гг. иностранцы, попадавшие на придворные собрания в Летний сад или Зимний дворец, не видели в платьях присутствовавших особ отличий от дворов европейских, но поражались обилием на них драгоценностей³⁵.

Древнерусское платье в эту эпоху осмеивалось на шутовских свадьбах (например, на свадьбе «санкт-петербургского архиерея» Бутурлина в 1712 г.), носить его при Дворе позволялось только вдовствующей царице Прасковье Федоровне, которую в чёрном платье с большой старой русской шапкой иностранцы видели на собраниях в Летнем саду³⁶.

К петровскому времени относится и начало введения в дворцовый обиход особых видов европейской церемониальной одежды и её отдельных элементов. В особо торжественных случаях (при погребении царевны Натальи Алексеевны³⁷, а затем на коронации 1724 г.) царица одевала придворное европейское платье-робу, «испанские» платья носили и русские цесаревны.

В 1730-х гг. появились первые указы об обязательных видах платья для собраний двора: для кавалеров – «цветное богатое» платье, для дам – робы и самары (платье с распашной юбкой без больших фижм). Именным указом Анны Иоанновны 1737 г. в робах дамы приезжали ко двору на новый год, в дни восшествия на всероссийский престол, коронации, дни рождения и тезоименитства её величества, а также в день ордена Св. Андрея Первозванного, в самарах – «в прочие праздники и в курдах». Запрещался проезд ко двору лиц «в флашпроках, в кафтанах и в шарфах» и дам, которые «не в состоянии» надевать «тех роб и самар за болезнями или за другими случаями»³⁸. В начале 1730-х гг. для летних загородных куртагов и праздников также было введено лёгкое петергофское платье светлых (соломенный, белый, желтый) и зелёного цветов³⁹, его ношение лицами 1–4 классов в 1752 г. подтвердила указом Елизавета Петровна. Она же в 1752 и 1753 гг. предписала ношение при Дворе в зимнее время тёплых и плотных тканей, а в летнее – более лёгких (шёлк, тафта) и светлых⁴⁰.

Установленные в 1730-х гг. виды придворных торжественных платьев, менявшие по моде форму юбок, отделки, размер фижм, цвет и рисунок тканей, использовались вплоть до середины царствования Екатерины Великой. Кардинальное новшество в набор типов протокольного платья принёс 1775 г. На Пас-

³⁴ ПСЗ-1. Т. 4. № 1741, 1887, 1898; Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. М., 1985. С. 344–346.

³⁵ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 147.

³⁶ Там же. С. 137.

³⁷ ОР РНБ, ф. 712, Собрание рисунков, д. 1220.

³⁸ РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 44, л. 1.

³⁹ Берк Р.Г. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 237.

⁴⁰ РГИА, ф. 473, оп. 1, д. 6, л. 35; д. 7, л. 102.

ху 12 апреля по разосланным повесткам дамы появились при дворе в «русском платье»⁴¹, после чего оно постепенно стало главным протокольным платьем и регулярно указывалось в придворных повестках. Ранее в русском костюме неоднократно появлялась на придворных мероприятиях, в том числе маскарадах, только Екатерина II. По своему виду русское протокольное платье представляло смешение современного европейского платья с распашной русской одеждой и было дополнено длинными рукавами и кокошником с фатой⁴². При Дворе Павла I русское платье, цветное или белое, использовалось наряду с робой, а затем перешло в XIX в.

Введение в придворный быт конца века русского платья отнюдь не означало разрыва с европейской модой и возвращения к русским традициям. Как показала С.А. Амелёхина, во Франции официальное форменное платье «сак» или «robe à la française» ввела мадам Помпадур в 1755 г., при английском дворе существовал особый тип дамского платья – «mantua» или «robe à l'anglaise», при шведском короле Густаве III в 1778 г. было введено платье начала XVII в. с характерным элементом в виде старинного разрезного рукава с буфами. То есть русификация придворного протокольного платья вполне соответствовала общей тенденции европейских дворов второй половины XVIII в., стремившихся обрести свои национальные отличия. В России эта тенденция была удачно использована немкой-императрицей. Занимая русский престол, она проявляла особый интерес к истории и обычаям страны, которой правила⁴³.

Помимо основных видов парадных платьев, русский двор в первые десятилетия XVIII в. ввёл на европейский манер несколько разновидностей протокольного траурного платья (различалось по чинам и виду траура – полного или камерного)⁴⁴, одеяния кавалеров русских орденов⁴⁵, разнообразные маскарадные костюмы (с постоянными запретами на пилигримское, арлекинское и «непристойное деревенское» платье и мишуру)⁴⁶. Затем появились церемониальные полковые платья Екатерины Великой, шившиеся из тканей полковых цветов с форменными галунами и пуговицами⁴⁷.

Начиная с 1720-х гг. служившие при дворе лица имели знаки-отличия своих чинов, сходные с европейскими. Обер-камергер и камергеры носили камергерские ключи, обер-гофмейстера и статс-дамы – оправленные в алмазы портреты императрицы, с 1770-х гг. фрейлины одевали так называемые фрейлинские шифры в виде вензеля императриц под короной, выполненные из драгоценных металлов и бриллиантов. Чины обер-церемониймейстера и церемониймейстера, обер-гофмаршала и гофмаршала двора имели трости, украшенные двуглавыми орлами. Особые костюмы шились для некоторых чисто церемониальных чинов, например, коронационных герольдов.

⁴¹ Там же, ф. 469, оп. 2, д. 9, л. 145.

⁴² См.: Амелёхина С.А. Культурно-историческая эволюция формы и символики церемониальных костюмов при российском императорском дворе XVIII–XIX веков. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 159.

⁴³ Там же, л. 158.

⁴⁴ См.: РГАДА, ф. 156, оп. I, д. 49, л. 2–7; д. 52, л. 11; ф. 2, оп. 1, д. 44, л. 1–2 об.; РГИА, ф. 473, оп. 1, д. 187, л. 41–41 об. и др.

⁴⁵ Амелёхина С.А., Гафифуллин Р.Р. Орденский костюм при Российском императорском дворе // Пинакотекa. № 5. М., 1998. С. 6–15.

⁴⁶ См.: РГИА, ф. 473, оп. 1, д. 65, л. 80; д. 82, л. 100–100 об., 113–113 об.

⁴⁷ См.: Зимний дворец: очерки жизни императорской резиденции. Т. 1: XVIII–первая треть XIX века. СПб., 2000. С. 86–87.

Форменная одежда была разработана для ливрейных служителей двора. Её основными цветами, указывавшими на принадлежность к русскому императорскому дому, с 1710-х гг. были зелёный и красный, т.е. цвета, которые имела форма лейб-гвардии Преображенского полка⁴⁸. При подготовке коронации 1724 г. их получила специально разработанная форма ливрейного сопровождения императрицы, в которой также присутствовала золотая и серебряная отделка, а в отдельных видах костюмов (платье гайдуков, арапов и скороходов) – предметы чёрного и белого цветов. Имперская триада жёлто-чёрно-белых цветов дважды на короткий период вводилась при дворе XVIII в. – в 1739 г. при проведении свадьбы Анны Леопольдовны (отменена при вступлении на престол Елизаветы Петровны) и при Петре III в 1762 г.⁴⁹ Под безусловным, караемым штрафами запретом было появление в стенах дворца лиц в простонародной одежде – платье из сермяжного сукна, овчинных шубах и лаптях⁵⁰.

Попытка очертить тот круг придворной жизни, который охватила европеизация, и выявить степень её проникновения в жизнь дворца неизбежно исключает из рассмотрения вопрос религиозности Императорского двора России. Однако именно эта сфера жизни Высочайшей фамилии и Двора противостояла европейским веяниям и во многом определяла их границы. Приняв на себя функции национальной идентификации, она наглядно показывала подданным, являются ли одетые по французской моде и подчас плохо говорящие по-русски монарх или монархиня «своими».

Православная вера правящего дома демонстрировалась различными формами публичного отправления культа. Так, во всех главных, пышных европеизированных семейно-государственных церемониях Романовых – при коронациях, свадьбах, рождении детей и погребениях – самым строгим образом соблюдалось совершение православных таинств и большинства старых церковных действ. Их составлением и отправлением ведал Синод. Кроме того, глубокое впечатление на современников производили также публичные акты-торжества, например, организованное Петром Великим перенесение мощей Александра Невского на берега Невы в 1724 г. или участие Екатерины II вместе с Двором в торжественном переложении в новую раку мощей святителя Димитрия Ростовского в 1763 г.⁵¹

Важную роль в показе приверженности русской вере играло соблюдение при Дворе постов. После санкционированного грамотами константинопольского патриарха уклонения от постов при Петре I русский Двор в 1730–1740-е гг. вернулся к их строгому соблюдению. Как показывают материалы деятельности дворцовых кухонь середины 1740-х гг., при дворе строго различались постные (их было около 200) и мясоедные дни. При этом служившим при дворе иноземцам-иноверцам дозволялось круглый год употреблять мясо и молочные продукты. В 1740-х гг. специальными указами Елизаветы Петровны придворные столы для православных были отделены от скоромных сто-

⁴⁸ Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. С. 138.

⁴⁹ РГИА, ф. 473, оп. 1, д. 241, л. 30–30 об.; ф. 466, оп. 1, д. 97, л. 51–51 об., 84–85, 104–105 об., 118–118 об., 120.

⁵⁰ Там же, д. 87, л. 13–13 об.

⁵¹ Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913. С. 255–272; РГИА, ф. 473, оп. 3, д. 28.

лов иноверцев, которые в летний Успенский пост вообще могли переноситься в Старый летний дворец⁵².

Сильнейшее влияние посты оказывали на течение официальной жизни, которая была привязана к православному церковному календарю. Многочисленные пышные увеселения специально назначались в дни святок и масленицы, а с наступлением постов праздники, балы, маскарады, куртаги и театральные представления при Дворе отменялись повестками. Исключением в правление Елизаветы Петровны было только проведение при великокняжеском Дворе воскресных собраний-куртагов для узкого круга лиц и без музыки⁵³.

Вместе с тем XVIII в. принёс изменения и в сами формы православного культа. Так, другую форму обрело посещение Двором православных служб. В допетровское время царские «выходы на праздники», которых было около 60 в год, не считая воскресных служб, являлись стержнем придворной жизни и всегда сопровождались шествием свиты, включавшей до 700 служилых и дворовых чинов⁵⁴. В век европеизации многочисленное посещение служб осталось, но состав отмечаемых праздников и форма «выходов» изменились. «Походные журналы» Петра I показывают, что уже с 1690-х гг. вследствие подвижного образа жизни царь резко сократил посещение служб, хотя и бывал в храмах в двенадцатые праздники, новый год, на Николу Зимнего и в некоторые из праздников богородичных и русских святых. Более 20 праздников допетровского Двора им были молчаливо отставлены (в дальнейшем многие из них так и не были восстановлены). При этом царь посещал утренние службы и молебны, ставшие обязательными при проведении новых светских царских, военных и прочих торжеств, и сам способствовал укреплению почитания покровителя Невских земель св. благоверного князя Александра Невского и впервые принёсшего Христову веру на русскую землю апостола Андрея Первозванного.

Изменение круга почитаемых при Дворе святых сопровождалось новой формой посещения храма: царь, его родственники и государственные чины съезжались на праздничные службы в соборы Петербурга без специальных церемоний, процессий и приглашений. Исчезли сопровождавшие праздники «тайные» выходы в богадельни и тюрьмы, выходы в монастыри, кормление нищих во дворце, раздача милостыни и т.п.⁵⁵ По словам мемуариста К. де Бруина, то, что в праздничных обрядах в старину было «делом важным», в начале XVIII в. оказалось «как-то не в большом употреблении», касалось это участия царя в зимнем водосвятии, дарении яиц на Пасху и др.⁵⁶

Восстановила регулярные выходы царской фамилии и Двора на воскресные и праздничные службы только императрица Анна Иоанновна. С появлением при ней в императорских дворцах больших придворных церквей были учреждены церемониальные шествия в храм правящей особы с первыми чинами Двора по парадным залам дворцов, где собранные по повесткам уже ожидали выхода чины первых рангов (1–4, 1–6 или 1–8 классов). По данным камер-фурьерских журналов, в середине века императрица Елизавета Петровна вместе с Двором могла до 60 раз в год публично присутствовать на службах, а при педантичной Екатерине II

⁵² Там же, ф. 469, оп. 14, д. 8; ф. 466, оп. 1, д. 71, л. 11, 49–49 об., 83.

⁵³ Там же, ф. 473, оп. 1, д. 4, л. 10; д. 5, л. 26, 27–27 об.; д. 9, л. 18.

⁵⁴ ПСЗ-I. Т. 2. № 850; *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI–XVII ст. Т. 1. Ч. 1. М., 1895. С. 377–380.

⁵⁵ *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 385 и далее.

⁵⁶ *Бруин К. де.* Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. М., 1873. С. 44, 60, 108.

число таких выходов достигало 100 и более⁵⁷. По Месяцеслову в 1794–1795 гг., помимо воскресных служб, так называемых табельных дней для церковных, придворных и кавалерских праздников, начинавшихся с утренней литургии, при дворе насчитывалось 59 и было бы 66, если бы некоторые не совпадали по дням и не праздновались одновременно⁵⁸. Таким образом, к концу века русский Двор столь же часто посещал православные службы, как и московский Двор XVII столетия.

Забываясь о благопристойности, монархи специальными указами регулировали круг верующих в придворных храмах и их поведение. При Петре I высоким чином во время служб в храмах было запрещено заниматься делами и вести «народные разговоры». За эти проступки штрафовали, для чего были заведены железные ящики на цепях⁵⁹. Требование тишины в дальнейшем подтвердили указы 1749 г. и 1763 г. В 1747 г. было запрещено употребление в придворной церкви табака. С 1751 г. в Большую придворную церковь запретили пускать людей из «незнатного народа, а особливо женска пола... в платках, чепцах... и в неуборных платьях», а в следующем году посещение служб «в двенадесятые праздники и высокаторжественные дни» стало обязательным для первых классов, и было установлено наказание за пропуск службы в виде отлучения персоны от Двора, при этом проезд в воскресные дни оставался свободным – «кто сам пожелает»⁶⁰.

Таким образом, при ряде внутренних изменений в придворном богочитании, русские монархи всегда демонстрировали свою приверженность национальной вере. Малейший отход от неё и внимание к отправлению культа другими конфессиями тут же замечались обществом, как это было с не самыми удачливыми правителями России Петром III и Павлом I.

Итак, подведём черту. Что же показывают приведённые выше факты? В эпоху интенсивных контактов с Западом и формирования установки – быть похожим на Европу, русский Двор как одно из пространств общения русских и западноевропейцев отражал все стороны взаимоотношений двух социумов.

Изменения русского Двора XVIII в. показывают, что Запад для русской элиты превратился в источник новшеств, центр цивилизации, которую следовало освоить, стал образцом для организации придворной жизни, а значит, получил доверие реформаторов русского Двора и прежде всего самих Романовых. Отсюда – практика многочисленных обращений к опыту иностранных дворов, использование русских посольств за границей для сбора и присылки сведений об образе жизни европейских монархов и их окружения.

Результатом этого стало то, что на рубеже XVII–XVIII вв. тот огромный поток культурных сведений, который шёл с Запада, в целом уничтожил строй жизни старого московского Двора. В это время в нём видели прежде всего варварское, суеверное и ненужное, и стремительно упраздняли старые чины, средневековые обряды и устаревшие сакральные предметы. Заменой им стал новый Двор, при создании которого ярко проявилась тенденция к европеизации. Факты показывают, что, протекая в разных областях придворной жизни разными темпами и в разные сроки, в целом проевропейское преобразование завершилось в

⁵⁷ Журналы камер-фурьерские 1750 г. СПб., б.г.; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1780 г. СПб., 1888.

⁵⁸ *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга... 1794–1796 гг. СПб., 1996. С. 158.

⁵⁹ См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 3. СПб., 1875. № 974. С. 11–12, № 1010. С. 44–45.

⁶⁰ РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 73, л. 73; д. 81, л. 2; д. 84, л. 45; д. 87, л. 4; д. 110, л. 115–115 об.

1730-х – начале 1740-х гг. и лишь изредка выходило за данный хронологический рубеж. Таким образом, полностью преобразённым на западный лад можно считать Двор Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Во второй половине века петербургский Двор, следуя европейской моде, упрощал свои ключевые церемониалы и порой, возвращаясь назад, проводил их русификацию (заменял русскими наименования ряда европейских чинов, вводил русское придворное платье). Последнее вполне укладывалось в русло общеевропейских тенденций наступающих вслед за эпохой Просвещения поисков национальных символов и обращения к фольклору.

Определяли развитие европеизации и создавали новый Двор прежде всего сами монархи России, без согласия, конфирмации которых новшества не могли быть введены в жизнь. Парадоксальным является то, что исключительную роль в преобразовании Двора на западный лад сыграли сугубо русские по происхождению правители – Пётр I и Анна Иоанновна. Практическими исполнителями Высочайшей воли выступали высшие чины двора и Иностранной коллегии, среди которых в первой половине века было много иностранцев (А.И. Остерман, Ф. Санти, Г. Габихсталь и др.).

Представляется, что необычайно широкому проникновению европейского в быт Двора и верхних слоёв общества способствовали не только достижения европейских наук и искусств, но и состояние светской культуры допетровского времени, а именно – определённая скудость в культуре развлечений. Ведь в XVII в. русский Двор не танцевал, под запретом была игра в карты, имевшая важный коммуникативный характер, не было свободного общения между полами и т.д. Таким образом, в XVIII в. Двор «легализовал» для русской элиты, «добрал» многое из того, что не поощрялось в предшествующие столетия. Следствием европеизации Императорского двора стало то, что значительную часть века он оказывал положительное просветительское воздействие на культуру высшего общества страны, знакомил его с последними достижениями художественной культуры и новой архитектуры, с европейской музыкой, танцами и театром, европейской кухней, модными тенденциями в одежде и др.

Вместе с тем следует констатировать, что преобразование Двора XVIII в. не сводилось к европеизации, которая не определяла всех процессов, происходивших при создании нового придворного быта Романовых. Рядом с мощным потоком усваиваемых европейских новаций устойчиво сохранялось поле традиционных преставлений и форм жизни. Его оплотом и источником были православная религиозность, а также старые формы быта и культуры двора XVII в., зачастую связанные с природными условиями России – её климатом, растительным и животным миром, определявшими особенности традиционной кухни, жилья, способов передвижения, видов одежды и др. Свои требования устроителям придворной жизни диктовали и взаимоотношения с русским обществом, которое зорко следило за отстаиванием своих интересов не только на полях сражений и в поединках дипломатов, но и требовало от центральной власти следования русской вере и благополучия династии.

Рассмотрение конкретного материала о жизни и преобразовании Двора показывает, что полной замены русского западноевропейским, наступления «духовного ига» Запада, как писали русские публицисты, не было. В распространении европейских наименований на лестницу придворных чинов, в официальной протокольной жизни и в церемониях, в придворном быту всегда была черта, перед которой введение чужого останавливалось. Так, не подверглась полной ев-

ропеизации лестница придворных чинов и служителей, во все многочисленные ежегодные светские празднества двора органично вошла утренняя религиозная часть – «орден духовный», соблюдались посты, а православные праздники продолжали оставаться важнейшими придворными мероприятиями. Вместе с тем очевидно, что в XVIII в. сама религиозность, те формы, в которых осуществлялось участие Двора в богослужении, эволюционировали. Изменилась система царских «выходов на праздники», другим стал круг наиболее почитаемых святых. Отправление православного культа получило тенденцию замыкания внутри дворца и придворного общества. Так, большинство служб стало проходить в придворных церквах, и допускались на них только придворные чины и лица, имеющие проезд ко Двору, посещение же столичных храмов было явлением достаточно редким и обусловленным, как правило, военными победами. Редкими стали и поездки на богомолья в монастыри.

Наконец, в европеизации ясно проступали традиционные взгляды русского допетровского общества на свою страну и своё место в мире. Проявлялись они не только в консервативном или переработанном на новый лад сохранении традиционного, но и в иной, неявной форме. Освоив языки европейской культуры – её символы, художественные образы, разнообразные формы и приёмы искусства и литературы, русское общество использовало их для выражения своих традиционных политических представлений и пристрастий. Так, меняя инсигнии и вводя новый придворный этикет, оно декларировало своё прежнее независимое от Запада и Востока политическое существование и не соответствовавший европейскому взгляд на свой высокий статус в мире. Ярким примером этого стал закреплённый в наименовании монархов и страны императорский статус.

Таким образом, европеизированный Двор XVIII в., соревнуясь с первыми дворами Европы по богатству, пышности и этикетному лоску, был устроен на принципах дуализма. Став Двором европейским, он сохранил ядро традиционной культуры и самосознания и для подданных императора остался Двором национальным. Православие и традиционная бытовая культура, понятные народу, успешно противостояли стиранию черт русской идентичности, которое предполагала европейская культура Просвещения.

Церемониал коронации в Российской империи

Светлана Амелёхина

«Коронование русских государей, благодаря обстановке и неизменности древнего остова, на которыйросло могучее тело, является... зрелищем... ни с чем не сравнимым по захватывающей красоте и внутреннему значению, только в эти немногие часы можно испытать разом всю мощь, всё величие русской Державы»¹, – писал А.Н. Мосолов о последней имперской коронации в Московском Кремле в 1896 г. Это впечатление складывалось на основе тщательно разработанного действа, имевшего многовековые традиции и обретшего новое

© 2014 г. С.А. Амелёхина

¹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1115, л. 265.